

АЛЕКСАНДРА ДЕГТЯРЬ

НАВАГГРАД

3-й ОТДЕЛ ДПР

ДОПУСК:
ПОГРАНИЧНИК

18+

Александра Дегтярь

Наваград. ДПР, 9-й отдел

<https://litres.ru/73462117>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алина Ветрова умерла не по расписанию. Белый Предел не принял её: места для неё там ещё нет. Она не цепляется за жизнь. Просто не замечает собственной смерти: правда слишком невыносима.

Кирилл Морозов — Пограничник и ликвидатор высшего класса. Был обычным следователем, пока засада на одной из улиц Наваграда не убила его команду. Два месяца в коме, и он очнулся медиумом. И с ПТСР: теперь каждая нить привязанности кричит ему чужой болью. Он работает в Девятом отделе ДПР — о котором не говорят вслух — где расследуют убийства, совершённые мёртвыми.

Он пришёл зачистить призрак. Вместо этого она выбрала его якорем, и теперь его квартира стала её территорией. Упрямая. Опасная. И единственная, кто чувствует эмоции, вложенные в предметы последней секунды.

Девятый отдел не берёт мёртвых в напарники. Но система уже дала сбой, и тела с разорванными нитями привязанности появляются снова. На каждом тот же отпечаток, что Алина видела в секунду до аварии, а Кирилл перед тем, как впасть в кому.

Содержание

Глава 1 Не по расписанию	4
Глава 2 Подпись сквозь границу	28
Глава 3 Плачущая квартира	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александра Дегтярь

Наваград. ДПР, 9-й отдел

Глава 1 Не по расписанию

«В официальных документах Департамента Паранормальных Расследований нет упоминания о 9-м отделе. Его не существует. Но если вы видите человека, который смотрит сквозь вас — возможно, он из Наваграда. И, возможно, он уже знает, что вы мертвы».

Эверия. Наваград, 2047 год

1

Утро после очередного суточного развода у начальника 9-го отдела встретило Кирилла Морозова стопкой заявлений, лежащих на потёртом дубовом столе. Кабинет пах старым деревом, кофе и лёгкой горечью сигаретного дыма — призраком прошлого, который сам Кирилл больше не производил, но который въелся в стены за десятилетия работы отдела. Серые стены были увешаны картами Наваграда с нанесёнными цветными маркерами «горячими точками»: красные — активность Призраков-Шатунов, синие — стабильные приязанности, чёрные — зоны, закрытые даже для Погранич-

ников. На полке за спиной — папки дел в строгом хронологическом порядке, каждая с этикеткой и печатью «Допуск 3-го уровня». В углу тихо гудел архивный сервер, синхронизирующий данные с Белым Пределом в реальном времени — технология, о которой гражданские не имели ни малейшего представления.

Сводки пропавших, которые нужно было отсортировать и распределить между подчинёнными, не внушали оптимизма. На всё про всё у него было ровно два часа до следующего брифинга. Кружка дымящегося кофе стояла рядом с документами, напоминая о себе терпким ароматом. Рядом в стеклянной вазочке лежали леденцы в нежно-зелёных обёртках — последняя замена сигаретам. Кирилл закинул в рот мятный леденец и прикрыл глаза. После комы он бросил курить, но мышечная память периодически требовала: не затяжки дымом, а просто покрутить тонкую цилиндрическую вещь между пальцами. Привычка, от которой избавиться сложнее, чем от самой зависимости.

— Отчёт по вчерашним, — бросил он, не открывая глаз.

Олег, сидевший у окна с ноутбуком, отложил печенье:

— Старушка на Тихой, 14-б. Ушла в Предел в 23:17. Как только нотариус поставил печать на новом завещании — в пользу второго внука, как и предполагали — её нить привязанности рассыпалась пеплом. Свидетели говорят, в комнате запахло лавандой и вдруг стало легко дышать. Классический случай: не злоба, а долг.

— Записал? — Кирилл кивнул Волкову, который уже доставал блокнот.

— Да, старая бабка держалась за жизнь только, чтобы исправить несправедливость. Как только дело сделано — отпустила. Чисто, без осложнений.

— Гуль на Центральной больнице? — Кирилл открыл глаза, глядя на Павла Вывина.

Тот вздохнул:

— ОБР (Отряд Быстрого Реагирования) прибыл в 02:40. Объект агрессивен, пытался затянуть медсестру в стену. Ликвидирован стандартным протоколом «Серебряная петля». Тело упокоено, нить разорвана. Свидетели под гипнозом — показания сняты. Больница закрыта на карантин до завтра. Санитары уже прибрали.

— Жаль, — коротко бросил Кирилл. — Этот гуль три года держался на боли онкологических больных. Мог бы стать информатором.

— Кирилл Викторович, он заложника брал! — возмутился Павел.

— И не трогал детей. Заметил?

Павел промолчал. Кирилл взял со стола три папки:

— Волков, тебе дела на Хомутовке, Вышенке и Светлой. Призраки-привязанности, низкий уровень угрозы. Опроси родственников, проверь предметы-якоря. Если душа готова уйти — помоги. Если цепляется за месть — вызывай подкрепление. Не геройствуй.

— Есть, — Волков взял листы, кивнул и направился к шкафу за курткой.

— Вырвин, — Кирилл протянул вторую папку. — Бери наряд и поезжай на Выгонскую. Там домовый расшалился: трясёт посуду, гасит газ, пугает старушку-владелицу. Опроси свидетелей, проверь историю квартиры. Возможно, кто-то из предыдущих жильцов оставил неразрешённый конфликт.

— Но это уже пятый вызов за неделю! — возмутился Павел. — Может, просто ликвидировать эту тварь?

Кирилл поднял левую бровь, глядя на него поверх очков:

— Предлагаешь убить духа, который тридцать лет охранял эту квартиру от воров и протечек? Который, кстати, спас хозяйку от пожара в девяносто восьмом? Ты уверен, Паш?

— Нет, — сдущся тот, краснея.

— Тогда вперёд. И мухой обратно. Хочу знать к обеду: конфликт с новым соседом сверху или хозяйка сама нарушила договор — забыла оставить миску молока в углу.

— Есть, мухой, — Павел вздохнул и вышел.

Осенний ветер Наваграда уже пробирался сквозь двойные рамы, несмотря на относительно тёплую погоду. Синоптики обещали после обеда дождь и усиление ветра — идеальные условия для активности теневых существей.

— Олег, — Кирилл повернулся к оставшемуся сотруднику, — что там по пропавшей девушке неделю назад? Алина Ветрова, авария на кольце?

— Нет подвижек, Кирилл Викторович. Родственники по-

хоронили тело, но в квартиру на Садовой, 47, попасть не могут — замок сам защёлкивается, окна запотевают изнутри. Сегодня запрос подам в архив: может, в радиусе пятисот метров от места аварии была зафиксирована аномальная активность материи.

— Давай.

Кирилл уложился в отведённое время. Сводки были распределены чётко: парням — дела попроще, соответствующие их первому допуску. Себе он оставил тройку сложных: Призрак-Шатун в метро «Тёмная», разрыв нитей привязанности в доме престарелых на окраине, и странное исчезновение троих подростков в парке «Затишье» — без тел, без следов, но с показаниями очевидцев о «человеке без лица».

Загудел телефон.

— Слушаю, — ответил Олег. Выслушал, положил трубку. — Архив ответил. Никакой аномальной активности в радиусе от места аварии Ветровой не зафиксировано. Ни волны, ни всплеска эмоций. Как будто её смерть... не оставила следа.

Кирилл сложил пальцы домиком, глядя в окно на серые крыши Наваграда. Дождь уже начинал накрапывать, стекая по стеклу чёрными слезами.

Плохая вырисовывалась картинка.

Призрак-Шатун — тот, кто не помнит себя мёртвым — не оставляет следов в архиве. Потому что для системы он не умер. Он просто... исчез из расписания.

И если Алина Ветрова до сих пор не ушла в Предел — значит, она не цепляется за жизнь.

Она не замечает, что её уже нет.

2

Кирилл бросил взгляд на настенные часы, стрелки показывали 13:47. Вздохнул коротко, без эмоций. Опять обедать придётся на ходу. До вечерней встречи с Призраком Алины оставалось меньше четырёх часов, а ему ещё нужно было разобраться с шатуном на станции «Тёмная», уже неделю сносившему рекламные щиты и выбивавшему стёкла на платформе.

Он накинул тёмно-серый плащ, поднял воротник и вышел в коридор. Дежурный у шлюза поднял глаза от монитора, провёл Кирилла сканером. Зелёный луч скользнул по запястью, в базе отметилось время выхода: 13:49. Молча. В Девятом отделе все знали: Пограничники не любят болтовни перед выездом.

Электрокар ждал у служебного входа: чёрный «Волхв-7» с затемнёнными стёклами и логотипом ДПР на двери. Кирилл запрыгнул за руль, машина плавно тронулась, бесшумно скользя над асфальтом. За окном проплывали улицы Наваграда: сначала строгие фасады Старого города, потом выцветшие панели спального района «Зелёный», дальше была промзона «Кузня» с её ржавыми трубами и вечным запахом гари. Чем ближе к станции «Тёмная», тем мрачнее становил-

ся пейзаж. Дома здесь стояли криво, будто их основание подмывала не река Вей, а что-то иное — невидимое, но осязаемое. Воздух над асфальтом дрожал, хотя ветра не было.

Зазвонил телефон. На экране высветилось имя: Вика.

Кирилл не стал отвечать. Звонок оборвался. Через десять секунд — снова. Он щёлкнул кнопку громкой связи, глядя на дорогу.

— Что тебе нужно, Вика.

— Ты издеваешься?! — визг ворвался в салон, резкий, как стекло по стеклу. — Уже год тянем это дело, а ты всё молчишь! Судья сегодня снова спрашивал, где ты был вчера! Ты специально работаешь в этом... этом кладбищенском отделе, чтобы не выходить на связь?!

— Я был на задании. Как и всегда.

— А квартиру?! Ты думаешь, я не знаю, что ты очнулся из комы за два месяца вместо года, — она замолкла, понимая, что сболтнула лишнее, — врачи сами не поверили?!

— Тем не менее, это не помешало тебе продать всё, — горечь сквозила в его голосе.

— Врачи сказали, что ты если и очнёшься, то овощем, без памяти, без речи! Ты ничего толком не можешь нормально сделать. Даже сдохнуть не смог по-человечески. Медиум с душевным надломом! — звучал её ехидный голос. — Чтобы тебя Призрак-Шатун довершил!

— Квартира записана на двоих. Продать без моего согласия нельзя. И суд это уже подтвердил трижды.

— А коттедж?! Коттедж я продала! И знаешь почему? Потому что не хочу иметь с тобой ничего общего! Родители твои, кстати, не сказали спасибо, что я тебя не бросила в больницу!

Кирилл молчал. Он ничего не хотел говорить этой стерве. По суду его доля в доме пошла взаимозачётом её доли в квартире. Но Вика не успокоилась, вновь и вновь подавая апелляции. Машина миновала перекрёсток Хомутовки, свернула на подъезд к станции.

— Ты мёртвый внутри, Кирилл! — И словно решив его добить, продолжила: — Нет на тебя призрака-шатуна! Потому что ты и сам полупризрак! Мёртвый Пограничник — вот кто ты! Год работаешь среди мёртвых — и сам стал одним из них!

Вика ошибалась, ему нравилось работать в Девятом отделе. Она что-то ещё верещала в трубку, но Кирилл уже её не слушал.

Он отключил звонок. Тишина в салоне показалась громче криков бывшей жены.

Перед станцией «Тёмная» царил хаос. Воздух гудел натянутой струной. Камни размером с кулак вылетали из вестибюля, врезались в асфальт, отскакивали в стороны. Пыль и песок вихрем крутились над площадью, застилая вид, стандартное проявление агрессии шатуна. Люди метались в панике, полицейские пытались оттеснить толпу за ограждения. Один из патрульных, увидев машину ДПР, бросился к Ки-

риллу:

— Там внутри призрак! Мы не можем подойти, сами видите!

— Уведите людей подальше, — коротко бросил Кирилл. Он подошёл к краю площади. Ветер хлестал по лицу песком. В вестибюле мелькнула тень — неясная, дрожащая. Шатун. Не злобный, просто потерянный. Но в его потере крылась сила, способная разрушить всё вокруг на сотни метров.

Кирилл поднял левую руку, нажал кнопку на браслете. Активатор загудел, холод пробежал по коже, и мир расплылся.

Темнота. Крики. Запах гари и крови. Тела на плитах. Его люди — Волков-старший, отец его подчинённого, Саша, Марина — лежат без движения. Он пытается встать, но ноги не слушаются. Из тоннеля выползает тень, она тянет к нему отростки, и в каждом он видит лицо мёртвого товарища.

«Ты останешься с нами», — шепчет тень. — «Ты уже мёртв».

ПТСР накрыло волной, сердце заколотилось, в горле перехватило дыхание. Кирилл согнулся, упираясь ладонями в колени. Но переход уже завершился.

И приступ отступил.

Белый Предел.

Всё вокруг было серым, как старая фотография. Небо висело сплошной хмурой пеленой, без солнца и без теней. Зда-

ния были узнаваемы, но лишены цвета и деталей: контуры, силуэты намекали на былую жизнь. По земле струился белый туман, густой, почти жидкий. Раньше в нём у Кирилла вязли ноги до щиколотки, теперь лишь слегка цеплял подошвы. С каждым переходом становилось легче, то ли тело привыкало, то ли душа, он пока ещё не разобрал.

Мужчина двинулся к спуску в метро. Чем глубже спускался по эскалатору, тем отчётливее слышался плач: тонкий, прерывистый, детский, растерянный, безнадёжный вой.

На перроне, у края платформы, сидел мальчик лет пяти, прозрачный, но не размытый, как остальные жители Предела. Четкий силуэт светился в синем комбинезоне посреди серой безликой платформы. Рядом лежал игрушечный грузовик с оторванным колесом. Малыш плакал, уткнувшись лицом в колени.

— Эй, — тихо окликнул Кирилл.

Мальчик вздрогнул, поднял голову. Его огромные глаза были полны слёз, но малыш не боялся.

— Ты мою маму видел? — прошептал он. — Я её потелял.

— Как тебя зовут?

— Лёша.

— Лёша, ты давно потерял маму?

— Не знаю. Я её зову, зову, — он всхлипнул. — Мама!

Кирилл присел рядом. Для него призрак был осязаем, как и для всех, у кого имелся допуск «Пограничник». Он чувствовал прохладу комбинезона, лёгкую вибрацию детского

тела и едва уловимый укол статики при касании, будто от старого экрана монитора.

— Ты был с мамой, когда потерялся?

Мальчик кивнул, всхлипывая.

— Она меня клепко делжала... а потом я упал. Встал, а её нету.

— Она не бросила тебя. Она тоже здесь. Просто вы не можете друг друга найти, потому что не знаете, что умерли.

Лёша замер, глаза расширились.

— Что такое умелли?

— Вы с мамой спите. И чтобы проснуться вместе, нужно найти друг друга.

Кирилл поднял ребёнка на руки. Лёша прижался к его шее, маленькие пальцы вцепились в воротник плаща. Веса почти не было, лишь лёгкое давление.

— Куда мы идём?

— Туда, где она тебя ждёт.

Кирилл знал, куда идти. Матери, потерявшие детей, всегда остаются ближе к месту гибели, их нить привязанности короче и крепче. Он прошёл через туннель, минуя призрачные поезда, мелькающие вдали. За поворотом, у служебной двери, стояла женщина в летнем платье. Она смотрела в пустоту, руки сжаты в кулаки.

— Мама! — крикнул радостно Лёша.

Она обернулась. Лицо её исказилось — сначала недоверие, потом шок, потом безумная радость.

— Лёшенька!

Кирилл опустил мальчика на пол. Ребёнок бросился к матери, и в момент их объятия нити привязанности вокруг них вспыхнули мягким, неярким, тёплым светом, похожим на закат. Они начали растворяться, уходя вглубь Предела, туда, где нет боли и поиска.

Последнее, что Кирилл услышал, было тихое шепот женщины:

— Спасибо...

Он вернулся в мир живых.

Его не было три часа.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо над Наваградом в багровый цвет. Вестибюль станции был пуст. Полиция увела толпу, на асфальте остались лишь следы хаоса: выбоины, осколки стекла, сломанный фонарь. Кирилл пошатнулся, придерживавшись за стену. Голод скрутил живот. Он не ел с утра.

По дороге к месту встречи с Алиной мужчина завернул в придорожную забегаловку «Уголок» — грязноватую, с запахом жира и кофе. За стойкой, облокотившись на неё, стояла усталая женщина за пятьдесят, без вопросов принявшая заказ: борщ, чёрный хлеб, крепкий чай.

Пока ждал, Кирилл открыл электронную книгу — защищённый планшет ДПР. Пальцы летали по экрану:

«Объект: Призрак-Шатун (ребёнок — 5 лет). Имя: Алексей. Дата смерти: 14.10.2045, взрыв на станции «Тёмная».

Причина задержки: незнание собственной смерти, поиск матери. Мать локализована в 200 м от точки гибели. Объекты объединены, нити привязанности растворены. Переход в Предел зафиксирован в 17:22. Инцидент закрыт».

Подошла официантка с подносом. Кирилл взял ложку, глотнул горячего борща. Его вкус взорвался во рту, простой, земной, вкусный. Он ел быстро, почти жадно, глядя в окно на улицу. Люди спешили домой, электромашины ползли в пробке, жизнь шла своим чередом.

А он скоро снова встретится с мёртвой.

Заплатив, Кирилл вышел на улицу. Ветер усилился. На этот раз синоптики не соврали. Дождь вот-вот начнётся. Он сел в машину и направился к месту гибели нового шатуна.

К Алине.

По дороге свернул к цветочному киоску у станции «Садовая». За стеклом — розы, хризантемы, гвоздики. Он выбрал четыре белые розы, плотно упакованные в матовую бумагу. Продавщица молча приняла оплату. Четыре цветка для тех, кого он не спас на станции «Тёмная» чуть больше года назад: Волкова-старшего, Саши, Марины и ещё одного парня, чьё имя он не мог вспомнить вместе с лицом. Своеобразный способ не сойти с ума между переходами.

Он вернулся в машину, положил букет на пассажирское сиденье. Белые лепестки контрастировали с потёртой тканью сиденья. Завёл мотор и тронулся к Кольцевой.

Восемь дней назад

Алина Ветрова насвистывала под ритм электронного бита, люющего из динамиков её «Жука-3». Электромобиль плавно скользил по трассе в сторону Наваграда после двух дней на озере Светлояр, весёлого кутежа с подругами, костра, смеха до утра. Она чувствовала себя лёгкой, почти невесомой. Даже работа над интерьером для капризного клиента казалась теперь пустяком.

— Ещё полтора часа и дом, — пробормотала она, прибавляя скорость. Ей нетерпелось скорее попасть домой.

Фары встречной фуры вспыхнули слепящим солнцем, не в своей полосе. Алина рванула руль вправо. Слишком поздно. Визг металла, треск стекла, ощущение полёта... и тишина.

Очнулась она на обочине. Тело ныло, но двигалось. В кармане куртки по-прежнему находились документы, телефон разбился вдребезги, оставив её без связи. Машина лежала в кювете, дымилась, но не горела.

Алина ждала. Минута. Десять. Час.

Трасса была мертва. Ни единого огня фар в темноте. Это было странно. Обычно по этой трассе машин встречалось множество. Если только её временно не перекрыли по какой-то причине.

Стемнело быстро. Наваградские ночи в октябре стояли холодные и безлунные.

Алина пошла пешком, застегнув молнию на куртке. Дорога уходила в чёрную пустоту, по обе стороны располагались поля, поросшие высокой сухой травой. Ветер гнал по асфальту бумажки и пыль. Из темноты доносились странные звуки: не то совы, не то лисы, что-то между — будто кто-то шептал на языке, которого не существует.

Чувствуя, что за ней наблюдают, девушка задрожала и ускорила шаг. Бурная фантазия рисовала в сознании всевозможных монстров.

И тут вдалеке она заметила огонёк и поспешила к нему.

На обочине, у полуразрушенной остановки, горел костёр. Возле него на лавке сидел мужчина в тёмно-сером плаще. Он грел руки над пламенем.

— Привет, — тихо сказала Алина, остановившись в десяти шагах от костра.

Мужчина поднял голову. Посмотрел на неё устало.

— Привет, — ответил он. — Замерзла?

— Ага. — Она шагнула к костру. — Машина в кювете. Телефон разбился. Ждала помощи... но никого.

— Здесь редко ездят ночью в это время года. Особенно после заката.

Он протянул ей кусок чёрного хлеба и флягу.

— Угощайся. Чем богат. Вода чистая.

Алина жадно откусила. Хлеб был свежим, душистым.

— Куда тебе? — спросил он.

— Садовая, 47. В Наваград.

Мужчина кивнул.

— Я как раз туда, подкину. — Он представился: — Кирилл.

— Алина.

Он поднялся, указал на чёрный электрокар у обочины, на двери виднелся заметный логотип: стилизованная сова в круге.

— ДПР? — Алина присмотрелась. — Ты из Департамента?

— Следователь. Медиум.

Она замерла. В голове мелькнула мысль: маньяк. Но тут же вспомнила, что за машинами ДПР строгий контроль, и следователь привязан к транспорту через кровную метку — микродозу ДНК владельца в биоключе. Угонять бесполезно. Убивать следователя — значит объявить охоту на себя со стороны всего департамента.

— Ладно, — сказала она. — Но если что — я каратэ знаю.

Кирилл усмехнулся, окинув её задумчивым взглядом.

— Запомню.

Они сели в машину. Мужчина включил лёгкую музыку, и девушка расслабилась. Он оказался приятным собеседником — сдержанный, но не холодный. Рассказал, что работает с паранормальными явлениями «как с любым другим преступлением, только улики невидимы».

— А ты веришь в призраков? — спросила Алина.

— Веришь ли ты в почтальона, когда он приносит письмо?

— вопросом на вопрос ответил он, улыбаясь.

Она рассмеялась. Ей нравился этот мужчина. Спокойный, надёжный. Такие редко попадаются.

За городом Кирилл неожиданно свернул на узкую дорогу, ведущую к холму.

— Куда мы? — насторожилась Алина.

— Нужно зайти на кладбище. Навестить одну знакомую. Пять минут.

— На кладбище? Ночью?

— Она не против. А я не работаю по расписанию.

Алина колебалась. Но логотип ДПР на двери и его спокойствие убедили её.

Кладбище «Тихий холм» раскинулось на склоне: старое, с покосившимися надгробиями и вековыми соснами. Кирилл остановил машину у ворот, взял с заднего сиденья четыре белые розы.

— Подожди здесь.

Он ушёл в темноту, растворившись между могил. Алина сидела минут десять. Потом стало скучно. И жутковато.

Она вышла из машины, решив прогуляться вдоль дорожек.

Ноги несли её сами. Мимо старых памятников, мимо свежих могил с венками. Воздух был странным, совсем не холодным, а каким-то плотным, как вода. Она не замечала, как

сошла на тропинку, и шагнула между рядами надгробий.

Остановилась.

Перед ней была свежая могила. Чёрный гранит. Фото в овале — с него улыбалась похожая на неё молодая девушка.

Алина наклонилась, прищурилась. Шутка? Злая, бессмысленная шутка. Но на табличке чётко выбито:

Ветрова Алина Сергеевна

12.05.2020 — 22.10.2047

Сегодняшняя дата!

Она отступила, сердце заколотилось. Нет. Ошибка! Подделка! Кто-то решил поиздеваться... Девушка попятилась. И всё же робкая надежда не покидала её.

— Какая-то неудачная шутка, — пробормотала она.

— Это не шутка, — тихо сказал Кирилл за её спиной.

Алина обернулась. Он стоял в двух шагах, с розами в руке.

— Что это? — голос девушки дрогнул, она непонимающе кивнула на надгробие. — А где камеры? Эй! Я знаю, что вы меня сейчас снимаете! — крикнула она.

— Тут твоя могила. Ты погибла восемь дней назад на трассе Наваград — Светлояр. Встречка выехала на твою полосу. Машина упала в кювет и загорелась. Ты не успела выбраться.

— Врёшь! Я же здесь! Я разговариваю с тобой!

— Ты разговариваешь с тем, кто видит мёртвых. Ты не чувствуешь холода? Не замечаешь, что тень исчезла? Ты уже неделю ходишь здесь.

Алина схватила за горло. Вспышки в сознании мелькали: вот она едет на машине. Вот в неё врезается фура, водитель мелькнул перед глазами тёмным силуэтом.

— Нет... — прошептала она. — Это невозможно...

— Тебе пора в Белый Предел.

Она зло смотрела на Кирилла, и из глаз её по щекам побежали дорожки слёз.

— Коты?!

— Где?

— У меня коты! — она нетерпеливо топнула ногой. — Они голодные! Мне надо к ним!

— Я о них позабочусь.

— У них нет воды. И лоток?! — она вдруг спешно зашептала. — Его не меняли неделю.

Он кивнул.

— Я не чувствую себя мёртвой! — подергала она себя за волосы, почесала кончик носа и со всей силы пнула мужчину по голени.

Тот ойкнул.

— Вот видишь, тебе больно, и мне было больно, когда я себя за волосы подергала, — надежда не покидала её.

Кирилл взял за руку Алину и поднёс полупрозрачную ладонь девушки к её глазам.

— А это?

Алина замерла. Посмотрела на свою руку. Перевернула.

Сквозь кожу просвечивал чёрный гранит надгробия.

— Нет... — выдохнула она. — Это... галлюцинация. От удара головой. Я в коме. Сейчас очнусь.

Она схватила Кирилла за рукав и отпрянула. От прикосновения пробежала ледяная мурашка, будто коснулась оголённого провода.

— Что это было?! — прошептала она, глядя на свои пальцы.

— Ты не в коме, Алина. Ты уже очнулась. Восемь дней назад. Только не в больнице.

Она опустила руку на колени рядом с могилой. Провела ладонью по жухлой траве — рука прошла сквозь стебли, не ощутив шершавости. Потрогала лицо. Прикосновение было тусклым, будто касалась себя сквозь вату.

И тогда её накрыло. Пустотой. Холодной, тяжёлой пустотой в груди.

— Коты... — прошептала она. — Они же... они же без меня... И-и-и-и.

— Тебе пора, — настаивал следователь.

— Я ещё раз тебе говорю, что я живая и это какой-то розыгрыш! Ну посмотри на меня? — она покрутилась вокруг своей оси. — Разве я похожа на мёртвеца? — понюхала себя. — Я даже не воняю.

— Ты умерла. Тело твоё там, — он указал на могилу, — а дух здесь, — Кирилл наставил палец на неё.

Она зажмурилась, тихо подвывая.

— И-и-и-и. Ты врёшь, врёшь, врёшь!

— Ты умерла, — процедил он, начиная злиться.

Девушка отчаянно замотала головой.

Кирилл незаметно для неё активировал свой браслет. И...

ничего. Алина стояла по-прежнему рядом с ним, тихо подвывая. Мужчина ещё пару раз нажал на браслет для разрыва ткани мира — и снова ничего.

— Ты что там делаешь? — спросила она, приоткрывая один глаз.

— Белый Предел не принимает тебя. Видимо, ты умерла не по расписанию, и для тебя там ещё нет места.

— Ты вот так просто хотел меня отправить в мир мёртвых?! — взвизгнула она, заводясь.

— Да, — подтвердил он. — Я своего рода «санитар».

— Козел, ты! — прохрипела девушка, перебивая его.

— Я Пограничник. И моя работа — закрывать двери, которые не должны быть открыты. Ты — одна из таких дверей. Но ты необычная, не зло и не угроза. Ты просто... несвоевременная.

— Зачищать? Несвоевременная? — она зло тыкала ему пальцем в грудь.

Он, делая шаг назад, продолжил:

— Стереть. Растворить твою привязанность. Отправить в Белый Предел.

— И как, — голос её сочился ядом, — получилось?

Кирилл посмотрел на розы в руке. На её перекошенное лицо, мокрое от слёз, которое он видел до этого только в отражении стекла и на фотографии.

Мужчина положил цветы на надгробие Алины и, развернувшись, молча пошёл к машине. Она семенила за ним.

— Эй, — крикнула она, — подожди.

Он шёл молча, не останавливаясь, опережая её уже на три корпуса. Когда сажился за руль своего электрокара, девушка испугалась, что следователь уедет без неё, и отчаянно захотела успеть сесть в машину.

Миг. Она сидит рядом с ним на пассажирском месте.

— Ты слышишь меня? — шипела она и стукнула его кулачком по руке.

Мужчина поморщился — неприятно было получать от призрака с каждым касанием пусть и лёгкий, но всё же разряд тока.

— Я тебя прекрасно слышу, — ответил он с досадой. — Я проверял кое-что.

— И как?

— Что как?

— Проверил?

— Да. — Он нажал пусковую кнопку, и мотор зарычал. — Похоже, ты зацепилась за меня.

— Как зацепилась? Я тебя не трогаю даже.

— Я пришёл зачистить тебя сегодня вечером. Но Предел

тебя не принял, потому что ты зацепилась за меня. Как утпающий хватает спасательный круг. Ты выбрала меня на той остановке, и теперь твоя нить привязки ведёт ко мне, а не к Белому Пределу.

— И что это значит?

— Какое-то время нам придётся существовать вместе.

Алина взглянула на него исподлобья.

— Я не хочу с тобой встречаться. Ты не в моём вкусе.

— Я знаю.

— Куда мы едем?

— В город.

Они ехали в полной тишине. Каждый думал о своём.

«Если система дала сбой, возможно, есть способ его исправить. Не для всех. Но для неё, может быть, сделают исключение», — следователь девятого отдела ДПР размышлял о том, что ему писать в рапорте.

«Чурбан. Это надо же придумать такое! Я и умерла», — Алина пыхтела, как ежик.

Машина засбоила. Кирилл, выкручивая руль, рывкнул:

— Прекрати злиться, иначе ты меня угробишь.

— Я!!! — она почувствовала новую волну ярости.

Металл в электрокаре застонал.

— Коты! — проорал следователь первое, что пришло ему в голову.

— Где? — она сбилась с мысли.

— Твои коты, нужно их проверить.

Он почувствовал, как ярость попутчицы проходит, и машина вновь становится послушной в управлении.

Дело № В-734

Статус: В работе

Объект: Ветрова Алина Сергеевна, 27 лет

Дата смерти: 22.10.2047г. (ДТП, трасса М-11, км 42).

Состояние при обнаружении: «Отрицание». Субъект считает себя живым, воспроизводит маршрут от места аварии до места проживания.

Примечание: Не подлежит депортации в Белый Предел.

Глава 2 Подпись сквозь границу

«Смерть — не конец пути, а контрольно-пропускной пункт. Иные проходят его молча. Иные — бьются в двери. А иные умудряются оформить пропуск обратно»

— Из архивных записей Департамента Паранормальных Расследований, фонд «Философия Предела», 2031 г.

1

Дождь хлестал по стеклу, размывая огни Наваграда в жёлтые разводы. Алина прижималась лбом к окну электрокара.

— Это сон, — бубнила она в который раз. — Проснусь — и всего этого не будет. Я буду дома лежать в кровати, а рядом окажутся мои коты. Три наглые шерстяные морды после звонка будильника станут тыкаться мне в лицо.

— Как их зовут? — Кирилл решил отвлечь призрак, так как приборы вновь начали сбойть.

— Бархат, Ириска и Туман, — теплые нотки зазвучали в её голосе, и приборная доска перестала трещать.

Сотрудник ДПР вёл машину молча, сосредоточившись на дороге. Руль вновь дёрнулся в сторону, и приборная панель мигнула красным.

— Перестань нервничать. Машина реагирует на твою энергию.

— Ты специально так говоришь?!

— Не делай вид, что не чувствуешь электроволны от электромобиля, — буркнул он, сдерживаясь, чтобы не выдать при ней словцо покрепче. — Пойми ты уже наконец, что это не сон! Но даже если тебе так легче — пусть будет сон. Но и в нём коты голодны. А голод настоящий.

Она молчала. Дождь усиливался.

Квартира № 47 открылась сама — замок щёлкнул без ключа. Интересно, кто сделал привязку замка к ауре девушки? С этим он разберётся позже. Внутри пахло затхлостью. У когтеточки лежал Бархат — чёрный британец, превратившийся в клочок шерсти на костях. На диване дрожала рыжая абессинка Ириска, некогда буйная, теперь безвольная. Туман, серый русский голубой, лежал посреди коридора, вытянув лапы.

— Нет... — Алина бросилась к Бархату, протянула руки. Ожидаемо для мужчины, её пальцы прошли сквозь шерсть. — Проснись! Это же сон!

Кирилл молча налил воду в миски, открыл консервы. Коты едва шевелились.

— Где их еда? И лежанки? — спросил Кирилл, окидывая взглядом кухню.

— В шкафу справа... миски на полу. Но они же не ели неделю! — голос её сорвался в плач.

Он быстро нашёл консервы, налил свежую воду в три миски. Поставил рядом с каждым котом. Бархат слабо поднял голову, понюхал — и отвернул морду. Ириска лишь приот-

крыла один глаз. Туман не шелохнулся.

— Слишком слабы, — констатировал Кирилл. — Нужна клиника. Сейчас.

Он собрал обратно миски, отыскав взглядом лежанки, сгреб их в кучу и отнёс всё это в машину. Через пару минут вернулся.

Алина парила в коридоре над полом, тяжело дыша. Вместо ног у девушки наблюдалась серая полупрозрачная дымка. Рядом с ней стояли три пластиковые переноски: синяя, серая, бежевая. Она едва заметно дрожала от усилия.

— Ты их поставила? — удивился Кирилл.

— Да... — голос её сорвался. — Больше не смогла... руки сквозь всё проходят...

Он окинул её оценивающим взглядом.

— У тебя неплохой потенциал. Для Шатуна, который ещё не понял, что мёртв.

— Какой потенциал?

— Медиумический. Обычно призраки в твоём состоянии даже дверь открыть не могут. А ты переноски нашла и поставила. Это много.

Он аккуратно уложил котов в переноски. Бархат тяжело вздохнул. Ириска слабо царапнула руку чужаку. Кирилл усмехнулся: «Жива ещё». Третьему коту было хуже всех.

— Он умрёт? — тихо спросила Алина.

— Не знаю.

Перед выходом она кивнула на полку:

— Блокнот... электронный. Возьми. Там мои проекты.

Кирилл сунул тонкий планшет в карман плаща.

Ветеринарный центр «Эверия-Вет» встретил Кирилла мягким голубым светом. Врач в белом халате осмотрел ко- тов за минуту.

— Живы чудом. Неделя без еды для таких пород — почти приговор. Поставим капельницы. Заберёте завтра. Если до- живут до утра — значит, выживут.

Алина стояла у окна процедурной, наблюдая, как иглы входят в тонкие лапы. Слезы текли бесшумно.

— Они доживут, — сказал Кирилл.

— Откуда знаешь?

— Потому что ты теперь рядом. Даже мёртвая — ты их якорь.

2

Электрокар остановился у подъезда в историческом рай- оне Старого города. Дом казался старше самого Наваграда — кирпичная громада конца девятнадцатого века с резными балконами и высокими окнами в пол. Во дворе ровными ря- дами росли вековые липы, под кронами которых стояли ска- мейки из тёмного дерева.

— Ты издеваешься? — Алина выплыла под дождь, не от- крывая дверцу электрокара. — Это квартира честного гос- служащего?

Кирилл поморщился, как от резкого удара. Он вошёл в подъезд, Алина плавно скользила за ним.

— Это не моё, — бросил он на ходу.

— А чьё? Любовницы? — не унималась она, следуя за мужчиной, поднимающимся по мраморным ступеням.

— Бабушки. Её семья владела текстильными фабриками лет сто назад. Эту квартиру не национализировали — слишком сложная планировка. После её смерти три года назад... досталась мне как единственному наследнику.

Он толкнул дверь на третьем этаже. Алина замерла на пороге, не решаясь пересечь его.

— Сил,пусти её, — произнёс Кирилл, входя первым в квартиру.

На пороге материализовался домовой в простенькой, но добротной косоворотке, в темно-синих льняных штанах, заправленных в сафьяновые сапожки. Он придиричиво оглядел Алину.

— Кто такова? Чьих будешь, девонька? — деловито осведомился домовой, прищурившись и оглядывая призрака.

Алина почувствовала силу, исходящую от него, и поняла, что с ним лучше не враждовать.

— Ну проходи, чтоль, — буркнул он. — Но ежели чего удумаешь крамольного — я тя прихлопну, — продолжил он с отеческой теплотой в голосе. После чего посторонился, пропуская гостью.

Пространство квартиры поражало: два уровня, соединённые винтовой лестницей из кованого железа. Книжные стеллажи от пола до потолка, камин из чёрного мрамора, окна

во всю стену с видом на внутренний двор. Всё выдержано в строгих тонах: серый, тёмно-синий, воронье крыло. Никакого показного богатства — лишь тихая, сдержанная роскошь старого Наваграда.

— Царские хоромы, — прошептала она, растерянно.

— Вика называла это «кладбищем прошлого», — Кирилл снял плащ, повесил на вешалку из тёмного дерева. — Говорила, что здесь пахнет пылью и ушедшими временами. Через полгода после свадьбы мы съехали от бабушки. Тем более достроился наш дом с умным домом и панорамными окнами.

Алина подошла к стене с фотографиями. Кирилл ребёнком с удочкой на берегу Вей. Подросток с синяком под глазом. Молодой лейтенант в форме разведки — строгий, с холодными глазами. И свадебное фото: он в смокинге, рядом — высокая блондинка с идеальной причёской и ледяной улыбкой.

— Она очень красивая, — прошептала Алина. — Где она сейчас?

Кирилл отвернулся к окну, наблюдая за дождём.

— Не знаю. Говорят, у неё кто-то появился. — Он пожал плечами. — Мы общаемся только когда она звонит с требованиями или через адвокатов. Остальное меня не касается.

— То есть вы совсем не видите?

— Последний раз виделись в зале суда. Остальное — голос в трубке, который обвиняет меня в том, что я «мёртвый

внутри». — Он коротко усмехнулся без тени веселья.

Алина молча глядела на свадебное фото.

— А ты?

— Я получил квартиру, ПТСР и работу в девятом отделе. Этого хватает.

Он направился к лестнице.

— Ванная на первом этаже. Холодильник пуст, но есть чай. Спать буду наверху. — Проговорил он на автомате, но спохватившись, добавил: — Извини. Тебе теперь это не требуется.

— Кирилл...

Он остановился.

— Спасибо за котов.

Мужчина скрылся наверху.

3

Тёплая вода барабанила по плечам, смывая усталость дня. Кирилл стоял под душем с закрытыми глазами, позволяя себе редкий момент покоя.

Воздух внутри душевой кабинки сгустился. Вода продолжала литься, но сквозь струи проступил полупрозрачный силуэт, мерцающий, как отражение в тронутom рябью стекле. Алина материализовалась вплотную к нему, лицом к лицу. Расстояние между ними было меньше вытянутой руки.

Кирилл вздрогнул так, что пятка соскользнула с мокрого поддона. Он ухватился за стенку кабинки, сердце колотилось в горле.

— Проклятие Предела! — вырвалось у него. Он отшатнулся, прижавшись спиной к плитке.

Алина не отступила. Её глаза, широко раскрытые, смотрели прямо на него сквозь завесу воды — капли прошивали её лицо, не оставляя следов.

— Ты что творишь?! — заорал он.

— Я к тебе пришла! — орала она в ответ.

— Тебя ничего не смущает?!

— А тебя?!

Оба замолчали. Вода стучала по поддону. Пар обволакивал их двоих — одного живого, другого уже нет.

— Мы орём, — констатировала Алина, и в её голосе прозвучала странная, хрупкая улыбка, — потому что оба напуганы.

Она отступила на шаг, позволяя воде свободно проходить сквозь себя. Её фигура слегка мерцала в свете ночника, отбрасывая лёгкое серебристое сияние на кафель.

— Кирилл... я вспомнила кое-что. Про аварию. Ты сказал — фура выехала на мою полосу. Но я видела кабину. Перед ударом. Там сидела тёмная фигура, но лица я не могу вспомнить.

Кирилл замер, заворачиваясь в полотенце.

— Ты уверена?

— Не совсем. Но чувство такое... будто это не случайность. Будто он специально выехал на встречу.

— ДТП проверяли. Свидетелей нет, записи с камер уни-

чтожены из-за сбоя.

— А если не сбой?

Он долго смотрел на неё. За окном хлестал дождь. Где-то в городе ветеринар следил за капельницами трёх котов. А здесь, в старой квартире, мёртвая девушка говорила живому мужчине, что её убили.

— Завтра проверю дело. Все протоколы. Камеры. Данные фуры.

— А если там ничего нет?

— Тогда будем искать там, где обычно ничего нет.

Он вышел из ванной. Позади услышал её тихий голос в полумраке:

— Я не хочу быть мёртвой.

Он ничего не ответил. Скинул полотенце и рухнул в кровать. День был тяжёлый.

Впервые за год после комы ему не снились кошмары. Ему снилось, как рыжая Ириска гоняется за солнечным зайчиком по паркету, а рядом сидит девушка с живыми глазами и улыбается.

4

Резкий писк планшета ворвался в сон о солнечных зайчиках и рыжей кошке. Кирилл открыл глаза. За окном едва брезжил серый рассвет Наваграда, но на экране мигало имя: Полковник Соколов. Сообщение было коротким и ледяным: «Кабинет. 07:30. Отчёт по Ветровой. Не опаздывай».

Он вздохнул, откинул одеяло. Тело ныло после вчерашне-

го перехода в Предел — своеобразная плата за каждый раз. Предел оставлял след в мышцах, будто он пробежал марафон с грузом за спиной. В ванной Кирилл умылся холодной водой, глядя на своё отражение в зеркале: тёмные круги под глазами, шрам над бровью, который его бесил. На кухне его уже ждало чудо: чашка крепкого кофе стояла на столе, дымилась, рядом лежал ломоть чёрного хлеба с маслом. Старый Сил, дух этой квартиры, который тридцать лет охранял её, теперь заботился о новом жильце. Кирилл кивнул благодарно в пустоту, зная, что его увидели.

Электрокар ждал у подъезда — чёрный силуэт на фоне серых стен. Кирилл открыл дверь и несколько не удивился. Алина сидела на пассажирском сиденье, скрестив руки, глядя в окно. Её силуэт был чуть отчётливее вчерашнего.

— Утро, — бросил он, заводя машину.

— Для кого как, — проворчала она. — Я всю ночь пыталась уснуть. Оказалось, призракам это не положено. Зато я видела, как твой домовый полировал серебро в буфете. У него руки из дыма.

— Он старательный.

— И молчаливый.

Дорога до Департамента Паранормальных Расследований заняла двадцать минут. Здание из тёмного стекла и стали, без вывесок, возвышалось в деловом квартале. Обычные граждане проходили мимо, не замечая ничего особенного. Но для тех, у кого был допуск, фасад пульсировал едва уло-

вимым синим сиянием — своеобразной границей реальности.

Кирилл вышел из машины. Алина последовала бесшумно за ним. У главного входа он остановился.

— Слушай внимательно. Как только пересечёшь порог — сработает сигнализация. Не пугайся. Я всё объясню.

— А если меня... уничтожат?

— Тебя не уничтожат. Ты не агрессивна. И ты — моя ответственность.

Он шагнул через невидимую черту. И тут же раздался пронзительный вой сирены — многоголосый, с нотками, которые резали слух на физиологическом уровне. Из всех дверей хлынули сотрудники в штатском — молодые парни с браслетами на запястьях, уже активированными в боевой режим. В коридоре вспыхнули красные огни, стены покрылись бегущими символами: «ПОПЫТКА ПРОНИКНОВЕНИЯ: ШАТУН КЛАССА АЛЬФА В ЗОНЕ ДОСТУПА».

— Спокойно! — рявкнул Кирилл, перекрывая вой сирены. — Это со мной! Не опасна!

Люди замерли. Олег с растерянным печеньем в руке. Павел Вырвин с обнажённым «серебряным клинком», способным разрезать нити привязанности. Все смотрели сквозь Алину. Для них она была пустотой, помехой в системе.

— Кирилл Викторович, вы в своём уме?! — крикнул Павел. — Это же Шатун! Его надо ликвидировать!

— Не надо! — отрезал Кирилл. — Отключите сигнализа-

цию. Сейчас объясню.

Через минуту сирена смолкла. Появились три технаря в серых комбинезонах с логотипом «Белый Предел. Техотдел». Возглавлял их Артём — худой мужчина с очками на кончике носа, гений изобретательства и вечный недосып.

— Кирилл Викторович! — воскликнул он, увидев пустое пространство рядом с начальником. — Вы привели Шатуна?! Настоящего?!

— Да. Её зовут Алина Ветрова. Погибла восемь дней назад. Не замечает собственной смерти.

Артём аж подпрыгнул.

— Это же идеальный кандидат! — Он повернулся к подчинённым: — Быстро! Сканер «Эхо-7» и арку «Проявление»!

Технари бросились к стене, откинули панель, за которой скрывалась сложная конструкция из хрустальных пластин и медных проводов. Артём направил на Алину прибор, похожий на старинный фотоаппарат. В воздухе заискрились голубые искры.

— Невероятно! — прошептал он. — Плотность эфира 0,87! Почти как у живого медиума! И нити привязанности... они не к месту смерти, а к вам, Кирилл Викторович! Вы её якорь!

— Я знаю. Теперь сделайте так, чтобы остальные её видели.

— Сейчас!

Технари активировали арку — и из пола выросли два столба света, соединившись в верхней точке дугой из переливающихся частиц. Алина замерла.

— Пройди сквозь неё, — мягко сказал Кирилл.

Она шагнула, опасно косясь на него. Свет арки обволок её, пронзая насквозь. На миг её фигура расплылась, стала жидким серебром — а затем вновь собралась. Но теперь уже отчётливой. Черты лица, цвет волос, даже мелкие детали: царапина на щеке от ветки, которую она задела на озере за два дня до смерти. Она стояла в коридоре ДПР, и все видели её.

— Получилось! — завопил Артём, хлопая в ладоши. — Работает! Три года разрабатывали, а тут... — Он подбежал к Алине, протянул руку, замер в сантиметре от её плеча. — Можно?

— Можно, — усмехнулась она. — Только не почувствуешь.

Его пальцы прошли сквозь её плечо. Артём ахнул от восторга.

— Феноменально! Температура тела соответствует окружению, но есть лёгкий электростатический заряд! Мы должны снять у тебя показатели! Сколько тебе лет? Как умерла? Что помнишь о моменте перехода?

— Артём, — прервал его Кирилл. — Потом. Сейчас — к Соколову.

5

Кабинет полковника Геннадия Петровича Соколова нахо-

дился на верхнем этаже — просторный, с панорамным окном на город. Стены украшали старинные гравюры: «Битва при Наваграде 1812 года», «Основание города», «Первый переход в Предел — 1903». На столе красовался бронзовый совиный бюст, символ ДПР. Сам Соколов сидел за массивным дубовым столом — седой, крепкий, с лицом, изборозждённым морщинами строгости. Серые глаза отливали гранитом.

— Морозов, — буркнул он, не глядя на вошедших. — Отчёт по Ветровой. Архив доложил: ноль активности в радиусе аварии. Как так вышло, что её не зачистили?

— Потому что её нельзя зачистить, Геннадий Петрович. Соколов поднял взгляд. И замер. Его глаза расширились. Полковник смотрел на Алину.

— Что это?

— Алина Ветрова. Призрак-Шатун. Не подлежит депортации в Предел.

— Я вижу её! Как?!

— Технари активировали «Проявление». Но это не главное. Я хочу оформить её как сотрудника отдела.

В кабинете повисла тишина. Соколов медленно откинулся на спинку кресла. Его пальцы застучали по столу, выстукивая ритмичный, угрожающий звук.

— Ты сошёл с ума после комы, Морозов? — спросил он тихо, опасно тихо. — Берёшь первого попавшегося призрака с улицы и хочешь сделать из него... что? Коллегу? С кем

пить кофе в столовой будешь? С тенью?

— Она не «первый попавшийся», — спокойно ответил Кирилл. — Она сохранила когнитивные функции. Может взаимодействовать с миром живых. Вчера переноски поставила у двери. У неё медиумический потенциал выше среднего. И главное — она видит то, что не видим мы. Прошла через границу и вернулась. Знает вкус жизни и смерти одновременно.

— Это не аргумент для зачисления в штат!

— Аргумент — парк «Затишье». Трое подростков исчезли без следа. Свидетели говорят о «человеке без лица». Мы месяц не можем выйти на след. Алина может пройти туда, куда нам вход заказан. Может увидеть то, что скрыто от живых глаз. Она — мост между мирами.

Соколов молчал. Долго. Его взгляд переходил с Кирилла на Алину и обратно. Он видел её — прозрачную, хрупкую и напуганную. Не злобу шатуна, а живую душу, застрявшую между мирами.

— Ты понимаешь, что предлагаешь? — наконец произнёс он. — Оформить мёртвую как сотрудника государственного департамента. Это без прецедентов. Юридический ад.

— Вы же сами говорили: «Правила пишутся для тех, кто не умеет видеть дальше своего носа». А мы видим дальше.

Соколов фыркнул. Но в уголках губ дрогнула тень усмешки.

— Предел с тобой. Пишите заявление. От её имени. Долж-

ность — «помощник Пограничника». Допуск четвёртого уровня. Но, — он поднял указательный палец, — только под твоим контролем. И если она хоть раз проявит агрессию — я лично разорву её нити привязанности. Понял?

— Понял.

Кирилл написал заявление в планшете, а после протянул его и стилус Алине.

— Попробуй подписать.

Она взяла стилус. Или попыталась. Её пальцы прошли сквозь металл. Девушка сжала челюсти, на лбу выступили капли нематериального пота.

— Давай, — тихо подбодрил Кирилл. — Ты же уже ставила переноски. Это проще.

Алина закрыла глаза. Вспомнила Бархата, Ириску, Тумана. Вспомнила запах кофе в своей квартире, звук дождя за окном, ощущение жизни в пальцах, когда рисовала эскизы интерьеров. Собрала все воспоминания в кулак — и ударила волей по границе миров.

Стилус дрогнул. На экране медленно, дрожащей линией, проступила подпись: *Алина Ветрова*.

Когда последняя буква была дописана, она обессиленно опустилась — не упала, а просто осела, как дым.

— Вот ведь... — прошептал Соколов. — Она это сделала.

Он взял планшет, поставил свою визу — цифровую печать с биометрией. Передал обратно Кириллу.

— Завтра утром будет инструктаж. Технари подготовят

для неё браслет-стабилизатор. И Морозов... — он посмотрел на Кирилла строго. — Если она хоть раз выйдет из-под контроля — ответишь головой. Ясно?

— Ясно.

Кирилл кивнул Алине — жестом, без прикосновения. Она улыbnулась слабо, но впервые без горечи.

— Я теперь сотрудник? — спросила она.

— Помощник Пограничника, — поправил Соколов. — И помни: мёртвые не получают зарплату. Но зато не платят налоги.

Впервые за восемь дней после смерти Алина рассмеялась — тихо, но искренне.

На выходе из кабинета Кирилл остановился.

— Геннадий Петрович... спасибо.

Соколов махнул рукой, уже уткнувшись в документы.

— Не благодари. Просто... давно не видел, чтобы кто-то так цеплялся за жизнь после того, как её потерял. Это достойно уважения. Даже если ты уже мертва.

Кирилл кивнул и вышел. В коридоре Алина шла рядом с ним — теперь видимая для всех, настоящая. Технари провожали их восхищёнными взглядами. Олег с печеньем замер с открытым ртом. Павел Вырвин смотрел на неё с опаской, но без ненависти.

— Ну что, помощник Пограничника? — спросил Кирилл, направляясь к лифту.

— А что теперь? — ответила она.

— Теперь мы идём за документами для тебя.

Алина кивнула. Её силуэт в свете ламп коридора был почти твёрдым.

Где-то в городе в ветклинике три кота медленно возвращались к жизни под капельницами. А здесь, в сердце Департамента Паранормальных Расследований, начиналась новая история — о живом и мёртвой, связанных одной нитью привязанности.

Дело № В-734

Статус:Переведено в архив особого учёта

Объект:Ветрова Алина Сергеевна, 27 лет

Дата смерти:22.10.2047 г. (ДТП, трасса М-11, км 42)

Состояние при закрытии дела:Объект сохранён в статусе Призрака-Шатуна с частичным принятием факта смерти. Нить привязанности стабилизирована через медиумический якорь (Морозов К.В., Пограничник 3-го уровня). Проявляет когнитивную целостность, способность к взаимодействию с материальным миром (степень воздействия — 0,87 по шкале Эверия). Не подлежит депортации в Белый Предел по причине отсутствия «места» в расписании перехода.

Примечание:Сотрудник ДПР — 9 отдел. Допуск: Помощник Пограничника, уровень 4. Подчиняется непосредственно Морозову К.В. Срок действия статуса — до момента стабилизации нити привязанности или добровольного перехода в Белый Предел. Контроль — еженедельное сканиро-

вание в техотделе.

Глава 3 Плачущая квартира

«Призраки не лгут — они просто не помнят правду. Оборотни не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.